

Культура и искусство*Правильная ссылка на статью:*

Беляков Н.А. Дендизм на перепутье бунта и консерватизма в романе Бенджамина Дизраэли «Вивиан Грей» // Культура и искусство. 2025. № 8. DOI: 10.7256/2454-0625.2025.8.75523 EDN: WHTKDR URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75523

**Дендизм на перепутье бунта и консерватизма в романе
Бенджамина Дизраэли «Вивиан Грей»****Беляков Николай Александрович**

ORCID: 0009-0007-7829-4589

студент; Исторический факультет; Самарский государственный социально-педагогический университет

443010, Россия, Самарская область, г. Самара, ул. Льва Толстого, 47

✉ belyakovnikolaschka@yandex.ru

Статья из рубрики "Историческая культурология и история культуры"**DOI:**

10.7256/2454-0625.2025.8.75523

EDN:

WHTKDR

Дата направления статьи в редакцию:

14-08-2025

Аннотация: В данной статье анализируется роман «Вивиан Грей» британского писателя и политика Б. Дизраэли, впервые опубликованный в 1826 г. Особую ценность произведение представляет как источник о дендизме, поскольку его главный герой, В. Грей, является ярким воплощением денди. Мы проанализируем ключевые черты и принципы дендизма, отраженные в романе, такие как уникальный стиль и внешняя эстетика (принципы «Заметной незаметности» и индивидуальности); А также кодекс поведения денди («Ничему не удивляться», «Сохраняя бесстрастие, поражать неожиданностью», «Уходить, как только было достигнуто впечатление»); Так же в фокусе исследования окажется ценностное содержание дендизма, его индивидуализм и элитаризм; Рассматриваются и дендистские персонажи XIX века (Д. Браммел, Д. Байрон, А. д'Орсе и сам Б. Дизраэли). Применен историко-компаративный метод для выявления сходств и отличий образа денди в романе от исторических примеров культурного явления. Обращено внимание на идейное содержание дендизма, рассматривая его в контексте политico-правовой мысли Европы конца XVII – первой

половины XIX века. Проведено сравнение персонажа В. Грея с его автором Б. Дизраэли. Оригинальность данного исследования заключается в нехватке в научной литературе анализа социально-культурного движения денди в контексте глубоких изменений классовых и сословных структур, а также политico-правовой культуры Европы, происходивших в конце XVIII века и первой половине XIX века, именно в этот период дендизм возник и активно формировался. Исследование произведения Б. Дизраэли иллюстрирует путь дендизма от индивидуалистического бунта к революционной диктатуре, преодолевая внутренние философские противоречия. Денди служат ярким образцом отрицания культурных норм и традиций Старого порядка, инициируя культурно-бытовое восстание, часто спровоцированное социальным ресентиментом. Эта культура пронизана либеральным духом, побуждающим к самовыражению и свободомыслию, однако консервативные тенденции могут затмить стремление к свободе, когда жажда власти и ресентимент берут верх над истинными ценностями.

Ключевые слова:

Дендизм, История культуры, Английская культура, Литература, XIX век, Консерватизм, Денди, Политическая философия, Философия права, Классическая литература

Исследователи, изучающие дендизм, анализировали его преимущественно с точки зрения культуры одежды, стиля жизни и поведения. Более углубленный подход рассматривает его с точки зрения экзистенциального бунта. Например, французский философ Альбер Камю видел в дендизме бунт против личной смертности, попытку зафиксировать свой образ в материальном мире [\[1, с. 56-63\]](#). Другой французский философ Жан Поль Сартр описал дендизм как самовозмещение, стремление закрепить личное сознание в форме свободного стиля жизни [\[2, с. 41\]](#). В новой работе бельгийского философа Даниэля Шиффера постулируется, что дендизм является результатом поиска индивидуальной независимости путем сверхэстетизации внешнего вида и поведения [\[3, с. 236-247\]](#). Мы же считаем, дендизм как социально-культурное явление следует исследовать и с точки зрения социального бунта, поскольку его возникновение связано, в том числе, с глубокими изменениями в классовых и сословных структурах, а также в политico-правовой культуре Европы в конце XVIII-первой половине XIX века. Такой подход остается относительно редким в исторической и культурологической литературе.

Источником для социально-политического анализа дендизма будет роман «Вивиан Грей» английского писателя и политика Бенджамина Дизраэли, опубликованный в 1826 г. Ценность романа как дендистского источника заключается в том, что сам главный герой Вивиан Грей является денди, благодаря чему мы можем многое узнать о мировосприятии сторонников дендизма. Кроме того, молодой Дизраэли сам был денди и пытался участвовать в общественной жизни Англии, позднее став одним из самых значимых политических деятелей за всю историю страны.

Таким образом, в данном исследовании мы сосредоточимся, как на предмете работы, на характерных чертах, принципах и ценностях дендизма, как они представлены в произведении Дизраэли.

В качестве основного подхода исследования будет использован историко-компаративный метод, который позволяет выявить как сходства, так и различия между образом денди,

представленным в романе, и историческими примерами этого культурного феномена. Кроме того, мы рассмотрим идеиное содержание дендизма XIX века в контексте политико-правовой мысли Европы конца XVII-первой половины XIX века, а также образ персонажа Вивиана Грея в сравнении с его автором.

И так, сначала нам необходимо обозначить моменты в книге, по которым мы поймем, что Вивиан Грей является денди. С первых же страниц говорится, что он уделяет большое внимание своей внешности и одежде – «...потратил часть своего детского дохода на покупку макассарового масла и начал завивать волосы» [\[4, с. 4\]](#). Окружающие его люди сами восклицают «Вот так денди!» и «Как же продуман его наряд!» [\[4, с. 6\]](#). Изысканность костюма считается важнейшей частью образа денди. Например, английский отец-основатель дендизма Джордж Браммел уделял этому особое внимание, тратя иногда несколько часов на завязывание вокруг воротника рубашки шейного платка, не допуская ни одной лишней складки на костюме, до блеска начищая сапоги или туфли, как гласит легенда, шампанским [\[5, с. 58-59\]](#). Кроме того, дендистский образ жизни действительно требовал больших трат, потому многие денди попадали в крупные долговые обязательства, да и сам Браммел в 1816 г. сбежал из Англии от кредиторов в Кале [\[6, с. 329-330\]](#).

Помимо общей элегантности наряда, Браммелом был выдвинут принцип «Заметной незаметности», костюм должен выделяться идеальностью кроя, сочетанием цветов, органичным единством с телом, но не обилием пестрых и ярких элементов [\[5, с. 19\]](#). Стиль одежды Вивиана Грея в книге не описывается, но, поскольку роман является во многом автобиографичным, то можно прибегнуть к воспоминаниям о Дизраэли от жены некоего юриста Мэйплса, она описывала его в рубашке с кружевными манжетами и жабо, в бархатном фраке, жилете и кюлотах, черных чулках в красную полоску [\[7, с. 26\]](#). Надо ли говорить, что стиль Дизраэли и, скорее всего, Грея, очень далек от минимализма Браммела? Дело в том, что сочетание умеренных цветов и отсутствие ярких деталей в гардеробе были в новинку лишь в 1790-1800-е гг., но уже к 1820-м они из дерзкого минимализма превратились в стиль чиновников и клерков, потому многим денди ради сохранения индивидуальности личного образа, а индивидуализм является также важным принципом дендизма, пришлось в некоторой степени пожертвовать принципом незаметности. Денди, отличающихся яркостью одежды, впоследствии стали называть «Денди-бабочки», их бесспорным лидером был французский художник Альфред д'Орсе [\[5, с. 408\]](#).

Дизраэли упоминает о разнице между браммеловскими денди и денди-бабочками, когда на страницах романа речь заходит об английском поэте-романтике Джордже Байроне. С Греем говорил политик Кливленд, упомянув, что в Италии он встречался с Байроном, описывая его пестрый наряд, украшенный золотыми цепочками – «Большего денди вы и вообразить не смогли бы, но это был не английский денди» [\[4, с. 202\]](#). Здесь Дизраэли, скорее всего, намекает на цивилизационную разницу, которую подробнее описал французский денди и публицист Барбе д'Оревильи в работе 1845 г. «Дендизм и Джордж Браммел»: изначальный дендизм Браммела, склонный к минимализму,держанности и холодности в одежде и поведении, был в большей степени порождением английской пуританской культуры, демонстративным самообладанием; Яркий дендизм д'Орсе, склонный к ослепительной изысканности и красочности, большей эмоциональности, был порождением французского гедонизма [\[8, с. 18-23\]](#). Денди-бабочки культурно принадлежат больше к французской цивилизации, чем к английской – «Страна Ришелье

не породит Браммела» [\[8, с. 20\]](#).

Тот же Браммел сформулировал кодекс поведения денди: «Ничему не удивляться», «Сохраняя бесстрастие, поражать неожиданностью», «Уходить, как только было достигнуто впечатление» [\[5, с. 19\]](#). Грей вполне соблюдает данные правила: отдельного упоминания стоит сюжет, в котором главный герой холодно и эпатажно занял место за столом, явно не соответствующее его сословному статусу – «Вскоре вошел мистер Вивиан Грей. Оставилось несколько свободных мест в центре стола, “Как раз для него”, как любезно заметил мистер Грамблтон. Но к изумлению и возмущению этого достойного сквайра опоздавший прошел мимо свободного места и проследовал дальше с бесстрастным хладнокровием, и подошел к центру главного стола, занимавшего лучшее место в зале». Затем он, с попустительства хозяина званого ужина, произвел перестановку столов, из-за чего случилась курьезная ситуация – «...мисс Гассет, собиравшаяся охладиться с помощью изысканного желе в сахарной глазури, обнаружила, что ее холодное блюдо вдруг преобразилось в тарелку остreyшего карри, мгновением ранее принадлежавшее полковнику Рангуну... Мисс Гассет полностью сожгла себе язык смесью, которая испепелила бы любого, кто не сражался против Бандулы». И после всего учиненного протагонист также невозмутимо ушел из зала [\[4, с. 87-88\]](#). В данной ситуации Грей одновременно выполнил все правила поведения денди: он удивил и вовлек всех присутствующих в свою экстравагантную выходку, при том сам делал вид эмоциональной невовлеченности в происходящее, а после покинул изумленную публику.

Теперь стоит перейти к политическим взглядам Вивиана Грея. Это важный вопрос, поскольку сюжет книги крутится вокруг его попытки влиться в английскую политическую элиту и приобщиться к государственному управлению. Показательным будет монолог, который Грей произнес перед своим покровителем маркизом Карабасом и его союзниками – «Вивиан обратился к ним. Смысл его речи можно себе представить. Он развивал новые политические принципы, указал на ошибку, от пагубного влияния которой они так долго страдали, пообещал им должность, власть и покровительство, и внимание к нуждам каждого, если только они будут действовать в соответствии с принципами, которые он рекомендует, у него была самая плавная речь и самый мелодичный голос из всех, в которые когда-либо облекался триумф честолюбия» [\[4, с. 122\]](#). Напрямую Бенджамин Дизраэли не оглашает идеологию главного героя, нет названия партии, которую Грей хотел создать, не упоминаются принципы этой партии, поскольку они и не нужны. Комический эффект здесь в том, что Грей мог высказывать положения какого угодно политического течения, но истинный смысл действий большинства политиков кроется в личной выгоде и жажде власти, а идеология становится просто оберткой.

Персонаж Вивиана Грея показан в романе макиавеллистом, желающим путем манипуляций добиться власти. От аристократов и олигархов, которыми он помыкал, его отличает лишь большая способность к лицемерию и отсутствие титула, что он и пытается компенсировать путем общения со знатными и богатыми людьми. Бенджамин Дизраэли не пытается скрыть цинизм Грея, но устами этого персонажа автор во многом выражает и свое мнение о методах политической борьбы – «Да! Мы должны смешаться со стадом, мы должны понять их чувства, должны потакать их слабостям, мы должны сочувствовать скорби, которую не чувствуем, и разделять радость глупцов» [\[4, с. 26\]](#). Дизраэли всю свою политическую карьеру придерживался мнения, что общество является не столько субъектом, сколько объектом управления, нужно, даже путем обмана и подкупа, заставить людей делегировать тебе власть. Здесь очень уместно сказать, что во время

своего политического дебюта на выборах в Палату общин 1832 г. Дизраэли в союзе с писателем и политиком Эдвардом Бульвером-Литтоном вступил в борьбу за место в парламенте от партии Вигов (либералов), преподносил себя как либерала, это было явной ложью, поскольку каждому, кто был близко знаком с Дизраэли, было очевидно, что он намного ближе к партии Тори (консерваторов), хотя имел много разногласий с ними. Дело в том, тогда премьер-министром Великобритании был либеральный политик Чарльз Грей, инициатор знаменитой избирательной реформы того же 1832 г., благодаря которой государственное устройство стало демократичнее, а главным оппонентом Дизраэли был сын премьер-министра Чарльз Грей-младший [7, с. 93-96]. В подобной обстановке полного господства вигов попытка примкнуть к партии Тори стала бы политическим самоубийством. Как автор, так и персонаж книги отбрасывает принципы ради прагматики.

Раз автор напрямую не дает Грею политического ярлыка (возможно, поскольку сам Дизраэли на тот момент еще не полностью сформировал свои взгляды), то можно к ним приблизиться путем анализа литературы и мыслителей, которых Грей читал и цитировал в романе.

Во-первых, в юношестве одним из первых философов, которых прочитал Вивиан Грей, был древнегреческий философ Платон [4, с. 19]. Автор в большей степени отсылает читателя к теории объективного идеализма мыслителя, но важно упомянуть и его политический труд IV века до н. э. «Государство». Институт государства, по мнению Платона, должен быть выражением социальной справедливости, но справедливости не эгалитарного характера, а доведенной до апогея иерархичности, идеального порядка. Государством должны править философы, а население строго разграничиваться на сословия управленцев, воинов и простолюдин [9, с. 146-150]. Склонность к сохранению и укреплению иерархии, осознание порядка как одной из высших ценностей свойственны консервативному мировоззрению.

Во-вторых, при первой встрече с маркизом Карабасом главный герой процитировал ему английского политического деятеля из партии Тори и философа-просветителя Генри Сент-Джона Болингброка [4, с. 36]. Многие историки теории государства и права относят Болингброка к числу мыслителей, описавших на рубеже XVII-XVIII веков традицию английского конституционализма, особенно наследие Славной революции 1688 г., в форме продуманной политico-правовой доктрины. Сам Дизраэли считал просветителя человеком, сделавшим английский консерватизм более рациональным [10, с. 118-120]. Но стоит сделать уточнение, Грей выдумал цитату Болингброка, дабы понравиться маркизу Карабасу – «У него была система для достижения успеха – он всегда высказывал свое мнение от имени какого-то выдающегося иуважаемого человека...». Кроме того, он владел удивительным даром выдумывать импровизированные цитаты...» [4, с. 36-37]. Однако, как нам кажется, это подтверждается и дополнительными высказываниями самого Дизраэли, просветитель Болингброк выбран для цитирования Греем не случайно.

В-третьих, в письме Вивиану от его отца упоминается, что главный герой ознакомился с сочинениями английского философа Томаса Гоббса. Грей-старший предостерегает сына от взгляда на людей, как существ ограниченно-эгоистичных [4, с. 189]. Гоббс, свидетель кровопролитной гражданской войны и политического хаоса в годы Английской революции 1640-1660 гг., издал свой фундаментальный труд «Левиафан» в 1651 г. В работе философ полагал, что без сильной государственной власти народ погружается в состояние «Войны всех против всех», поскольку люди по природе своей эгоистичны и

ради воплощения своих целей пойдут на многое [11, с. 93-98]. Дабы избежать состояния перманентной гражданской войны, люди заключили общественный договор и объединились под властью правителей и законов, обязав себя находиться в абсолютном и беспрекословном подчинении у государства [11, с. 129-137]. Следовать социальной философии Гоббса призывал Грея Кливленд – «Нет, Грэй, заставьте их вас бояться, и они будут целовать ваши стопы. Нет такой подлости или предательства, на которое не была бы способна политическая партия, потому что в политике нет благородства» [4, с. 195].

В-четвертых, в том же месте упоминается вместе с Гоббсом английский писатель-сатирик и экономист Бернард де Мандевиль [4, с. 189], чьи взгляды, изложенные в эссе «Басня о пчелах» и трактате «Исследование о происхождении моральной добродетели» 1714 г., весьма схожи со взглядами Гоббса. Мыслитель утверждал, что развитие государства проистекает из человеческих пороков и эгоизма, которые, в свою очередь, подталкивают общество к социально-экономическому прогрессу. В его понимании, добродетель лишь представляет собой наиболее успешную стратегию для завоевания расположения окружающих, а главным способом добиться желаемого от другого человека служит лесть [12, с. 26-28]. Грэй явно учился методам политической борьбы у Мандевиля.

Помимо прочитанной Греем политической литературы, в определении его взглядов мы можем основываться на отдельных его высказываниях и действиях. В одной из глав Вивиан Грэй отправляется на ферму своего друга Джона Коньера, семья которого находится в отчаянии, поскольку землевладелец лорд Маунтени, дабы взыскать долги с арендаторов-фермеров, через суд арестовал имущество и денежные средства должников, вогнав их в нищету [4, с. 77-79]. Дизраэли таким образом демонстрирует неустойчивое положение английского простонародья; В другой главе Грэй и Кливленд обсуждают английского публициста и литературного критика Уильяма Гиффорда, называют его «Великим умом, но фанатиком». Упоминается консервативная газета «Антиякобинец», издававшаяся в период 1798-1799 гг., редактором которой он был [4, с. 194-195]. В газете Гиффорд осуждал жестокость и радикализм Великой французской революции 1789-1799 гг., отстаивал традиционную теорию о божественном происхождении государства и монаршей власти [13, с. 77]; В той же главе удостаивается похвалы английский поэт-романтик Роберт Саути [4, с. 197], который после революции во Франции постепенно из либерала становился консерватором, отстаивающим усиление влияния Англиканской церкви и власти короля на общество [14, с. 331], из-за чего многие полагали, будто он продался правительству, да и сам Дизраэли называет его «Писателем с определенной целью» [4, с. 201].

Восприятие социума Вивианом Греем очень близко к изложенному Гоббсом и Мандевилем, он признает собственный эгоизм, затем эгоизм всех людей, и пытается строить свою политическую карьеру как раз из этого пессимистичного мировоззрения, пользуясь любовью и глупостью отдельных людей, достигая целей «...благодаря универсальному искусству угодить всему миру, конечно, сформировавшемуся благодаря его общим знаниям о человеческой натуре» [4, с. 105].

Учитывая вышеизложенное, Вивиан Грэй, основываясь на идее естественности человеческого эгоизма, выступает за сильную власть государства, способную поддерживать социальную иерархию и порядок. Он защищает традиционные ценности

британской государственности, однако также осознает противоречивость социально-экономических отношений в стране и выступает за улучшение условий жизни для простого народа. Здесь мы можем окончательно убедиться, что Грей – это образ самого автора в романе. В 1835 г. Бенджамин Дизраэли издает сочинение «Защита английской конституции», в котором и выражает все эти взгляды, а главной задачей ставит преобразование партии Тори и консервативной идеологии в целом на народно-ориентированной основе [15, с. 204-207]. Дизраэли сформулировал концепцию социал-консерватизма (сохранение традиционных институтов и ценностей с наложением на государство обязанности социальной защиты населения, дабы предотвратить социальный взрыв и разрушение традиционных порядков), ей он будет следовать всю политическую карьеру. Именно этой идеологии и придерживается Вивиан Грей.

Грей был не единственным денди-политиком в английской литературе первой половины XIX века. Друг Дизраэли, о котором ранее упоминалась, Эдвард Бульвер-Литтон в одном из своих сочинений создал персонажа, в образе которого были переплетены дендизм и либеральные политические воззрения, а не консервативные, при том они органично сочетались, словно дендизм проистекает из жажды свободы, свойственной людям с либеральными взглядами. Этот политико-культурный симбиоз и подталкивает нас к рассуждениям на тему имманентной политичности дендизма.

При изучении романа Бульвера-Литтона «Пелэм, или приключения джентльмена» 1828 г., анализируя дендизм с точки зрения социально-культурного бунта, мы пришли к выводам, что он восходит корнями к Английской революции и тесно связан с философией Просвещения, охватывающей конец XVII-начало XIX века, а также с культурой Романтизма первой половины XIX века. Дендизм воплощает идею естественного права на свободу в повседневной культуре, денди стремятся разрушить оковы общественного мнения, намеренно вызывая шок в обществе и привлекая к себе внимание. Они переосмысляют традиционные взгляды на одежду, рассматривая ее не как знак сословного статуса, а как выражение эстетического чувства свободной личности. Это приводит к освобождению от устаревшей сословно-государственной структуры, когда денди отказываются признавать ее авторитет [16, с. 84-85]. Главный герой книги Генри Пелэм, как и Вивиан Грей, по сюжету был молодым денди, начинающим политическую карьеру. Пелэм читал французских просветителей-энциклопедистов и английских политэкономов и либеральных философов- utilitариев [17, с. 411-413]. Его идеологию можно определить как консервативный либерализм (признание верховенства прав и свобод личности в рамках минимального государства совместно с разумным сохранением устоев и традиций общества). Взгляды Пелэма противоположны взглядам Грея, кроме политического макиавелизма, он у Пелэма выражается в менее циничном и жестоком виде, и убежденности в естественности эгоизма.

Произведение Дизраэли заставляет нас поставить под сомнение либеральные политические истоки дендизма, определенные ранее, которые впервые заметил ранее упомянутый д'Оревильи, иска корни дендизма в периоде Английской революции [8, с. 39-41], а также сравнивая Джорджа Браммела с русской просветительницей Екатериной Романовной Дашковой [8, с. 44], и отобразил Бульвер-Литтон в своем произведении. Стоит обратиться к немецкому культурологу Отто Манну, а именно к его работе 1998 г. «Дендизм как консервативная форма жизни», в которой представлен противоположный взгляд о возможной связи дендизма с консервативным мировоззрением. Манн видит происхождение дендизма в культурном конфликте буржуазной и аристократической

формы бытия индивида на рубеже XVIII-XIX веков. Тогда пала придворная культурная общность, но буржуазная еще не до конца сформировалась, а господствующее естественнонаучное мышление подчиняло и разрушало старые культурные ценности. Манн приходит к выводу, что индивидуализм денди не революционен, а реакционен, денди пытается отвернуться и дистанцироваться от зарождающегося буржуазного массового общества в сторону старинной традиции аристократического достоинства [18, с. 409-415]. Действительно, мы можем увидеть в персоналиях денди антибуржуазное начало, особенно оно прослеживается в отношении денди к финансам, для них, подобно праздной знати, было нормально жить в долг, а буржуазные добродетели экономии и накопительства, занятие коммерцией считались недостойной вульгарностью. Те же Браммел, Байрон и д'Орсе жили не по средствам и преследовались кредиторами и судебными исполнителями [5, с. 171-174], сам Дизраэли накопил столько долгов, что к 1833 г. оказался на грани полного разорения [7, с. 115-116]. В «Вивиане Грее» автор тоже критикует буржуазное миропонимание – «...нам слишком хорошо известно о том, сколь неустойчивы наши права собственности, в соответствии с которыми мы – значительные иуважаемые персоны» [4, с. 225].

Позволим себе вольность поставить под сомнение точку зрения Манна. Дендиизм действительно возник в период масштабных изменений экономических отношений, которые повлекли за собой перемены в социальной, политической и культурной жизни людей. Денди действительно протестуют против буржуазных порядков, но в то же время мы не можем утверждать, будто они это делают с любовью к аристократическому порядку. Джордж Браммел гордился своим неаристократическим происхождением [5, с. 66]; Титул лорда не мешал Джорджу Байрону в своих стихах проклинать английскую знать и восклицать – «Смерть владыкам!.. Угнетателям смерть суждена!» [19]; Друг Байона и поэт-романтик Томас Мур мечтал о том, как затихнет голос королевского двора и раздастся песня вольности [20]; Писатель Чарльз Диккенс, который в молодости был денди, хвалит английскую аристократию лишь в том, что она не столь надменна, как стоило бы от нее ожидать, учитывая любовь большинства людей пресмыкаться перед титулами [21, с. 354-355]. Кроме того, дендистская модель поведения предполагает универсализм в общении с людьми вне зависимости от их сословия или чина, Браммел был одинаково ироничен и холоден в общении, а Альфред д'Орсе одинаково вежлив и добр с каждым. Денди, безусловно, элитаристы, но их элитаризм не одной природы с феодальным аристократизмом, им важен не титул, а манеры, образованность, вкус. Возвращаясь к роману Бенджамина Дизраэли, в нем Грей говорит – «А в высших кругах человека, конечно, ценят не за то, что он – маркиз или герцог, а за то, что он – великий воин, или великий политик, или очень модный, или очень остроумен» [4, с. 106].

Тогда снова возникает вопрос о противоречивом взаимоотношении дендизма и консерватизма у Дизраэли. Дендиизм – это форма культурного бытия индивида, модель поведения и самовыражения, а не политическая идеология. Когда мы говорим о соотношении дендизма с консерватизмом или либерализмом, то мы имеем в виду не столько сами политические идеологии, сколько их ценностное содержание, общий дух этих идеологий: либеральный дух состоит в стремлении к свободе, индивидуализму и равноправию; Консервативный дух состоит в приверженности традициям, порядку и иерархии.

И так, может ли денди, склонный своим бунтарством, скорее, к либеральному духу, быть консерватором? Консерватизм не всегда означает охранительство и рутинерство,

довольно часто консерваторы выступали с радикальной критикой действующих порядков, еще чаще ставя в пример утопичную старину [\[22, с. 162\]](#). Консерватизм Вивиана Грея и его создателя обладает тем же стремлением к прогрессу, что и либеральный дух, разница лишь в том, что для либерального духа прогресс есть следствие свободы, а для консервативного духа прогресс является условием совершенствования основ порядка. Дизраэли на основе идеологии социал-консерватизма, когда станет премьер-министром сначала в 1868 г., а потом в 1874-1880 гг., будет проводить политику сокращения социально-экономического неравенства в обществе, за которую либеральный философ и социолог Герберт Спенсер даже заподозрит его (и ряд других политиков) в симпатии к социализму [\[23, с. 62\]](#).

Как уже было отмечено, либерализм стремится к равенству в правах, консерватизм к укреплению иерархии. Философия дендизма, как описывалось выше, не считает разделение людей по сословиям и финансовому состоянию значимым, вместо этого денди создают свою собственную аристократию разума и вкуса. Концепция создания новой элиты, вполне вероятно, происходит из актуальной для начала XIX века идеи философов-просветителей поставить во главу общества «*Homo novus*» (с латыни «Новый человек») – человека с рациональным мировоззрением, занявшего свое место в социуме и государстве благодаря своим талантам, а не родословной или капиталу. Эта идея для большинства денди не продвинулась дальше закрытых джентльменских клубов, в некоторые из коих специально не пропускали высокопоставленных дворян и богатых буржуа [\[5, с. 200-204\]](#), но Вивиан Грей желает ее воплотить в своей политической карьере.

На этом моменте нам необходимо обратиться к работе французского философа-экзистенциалиста Альбера Камю «Бунтующий человек» 1951 г., в которой он, в том числе, рассматривает дендизм как вид бунта. Камю пишет, что бунт начинается с чувства абсурда [\[1, с. 16-18\]](#), Вивиан Грей видит абсурдность своего общественного положения, он намного умнее многих аристократов и олигархов, но его роль в обществе минимальна. Этот социальный порядок кажется ему нерациональным, абсурдным, потому он желает в него вмешаться – «Скольким могущественным аристократам сейчас не хватает лишь ума для того, чтобы занять пост премьер-министра... Должен ли я, раз по праву рождения не могу воплотить в жизнь свои фантазии, провести всю жизнь киснущим мизантропом в старом шато?» [\[4, с. 26-27\]](#). Абсурдность английского политического и социального устройства очень часто подчеркивается в романе: как нам описывает автор, большинство государственных деятелей беспринципны, эгоистичны и просто глупы. В книге много говорящих имён по типу лорд Прошлый Век, мистер Либеральные Принципы, мистер Мошеннический Покров [\[4, с. 43-44\]](#), миссис Миллион и прочие [\[4, с. 77\]](#). Дизраэли намеренно вместо полноценных действующих лиц создает карикатурные образы, излагающие не политические программы, а бессмысленные их очертания, демонстрируя фальшивость и абсурдность английского политического общества своего времени.

Следуя Камю, любой бунт дуалистичен: он состоит из крика восставшего «Нет!» (отрицания действующего порядка) и крика «Да!» (требования создания нового) [\[1, с. 34-35\]](#). И вот здесь начинается в дендизме переплетение либерального духа (требующего свободы и равноправия) и консервативного духа (требующего порядка и иерархии), сначала денди ниспровергает господство титулов и денег, утверждая равенство всех людей, затем он предлагает свой способ деления общества и пытается воплотить его. Дабы утвердить свое превосходство, и превосходство людей из своего круга, денди

приходится признать равенство всех.

Дабы крик «Нет!» был услышан, а затем провозгласить свое «Да!», необходимо пробиться в высшее общество. Очень часто денди этого достигали через дружбу с отдельными представителями высшего общества. Патронаж денди необходим, дабы представитель высшего общества сам привел их туда. Вивиан Грей, желавший заручиться поддержкой богатого аристократа, говорил – «Что нужно, чтобы достичь такого же результата? Влияние аристократа. Если два человека могут оказать друг другу столь существенную помощь, почему бы не свести их вместе?» [\[4, с. 26-27\]](#), и вот он лестью и индивидуальным обаянием стал приближенным маркиза Карабаса (автор намеренно назвал персонажа в честь героя из сказки «Кот в сапогах». По сюжету сказки маркиз Карабас тоже был пассивным выгодополучателем действий хитрого кота). Сам Дизраэли на ранних этапах своей карьеры пользовался благосклонностью хозяйки литературного салона графини Маргариты Гардинер Блессингтон [\[7, с. 73\]](#), а также богатого философа-правоведа Джона Остина и его жены писательницы Сары Остин [\[7, с. 114\]](#). Наиболее ярким примером была дружба Джорджа Браммела и принца-регента Георга Уэльского (впоследствии короля Георга IV) [\[5, с. 66\]](#).

Но как заручиться поддержкой сильного мира сего? Эпатаж для денди является основным методом привлечения внимания, денди в первую очередь характеризуется, как было описано выше, особой манерой поведения и внешним видом. Вспомним участие Бенджамина Дизраэли в выборах в парламент 1832 г. В публичном обращении к избирателям он сознательно отказался от политического официоза, появиввшись перед зрителями в карете, запряженной четырьмя лошадьми, за каретой следовал целый оркестр с флагами и плакатами, сам оратор был одет в яркого цвета фрак, жилет украшен золотыми цепочками, рубашка отделана кружевом, на пальцах его были золотые перстни с драгоценными камнями, а для выступления он взобрался на крышу местного отеля и агитировал оттуда, раздаивая ошеломленной публике воздушные поцелуи [\[7, с. 96-97\]](#).

В дендистском эпатаже мы вновь можем заметить переплетение либерального и консервативного духа. Эпатаж денди, будь то необычная одежда, действие или высказывание, по сути нарушает общественный порядок, но по форме его соблюдает. Вспоминая сцену, в которой Грей вызвал переполох на ужине у маркиза Карабаса, он нарушил всевозможные обычаи, но сделал это с идеальной вежливостью. Формальный консерватизм необходим бушующему либеральному духу, дабы просочиться в высшее общество. Как заметил Барбе д'Оревильи – «Дендиизм издевается над правилами и все же их соблюдает» [\[8, с. 30\]](#).

Дизраэли в романе достаточно подробно описывает механизм завоевания денди положения в обществе. Вивиан Грей, прогуливаясь по парку в Рейнсбурге, встретил там немецких денди во главе с Эмилем фон Анслингеном. «У каждой нации есть свой Браммел» – лаконично резюмирует автор (прототипом персонажа явно был именно он). Дизраэли дает им исчерпывающую характеристику – «Законодатели мод на сюртуки, галстуки и скакунов, у которых нет состояния и чина, но иногда исключительно с помощью дерзкого навязывания своих вкусов они становятся законодателями мод даже среди герцогов» [\[4, с. 225-226\]](#).

Далее Камю утверждает, что бунт, когда он достигает пика своего развития, может принять форму революционной диктатуры. Под диктатурой понимаются действия,

направленные на подавление и уничтожение объекта бунта или противников бунта, дабы восставший смог «...господствовать над унифицированным миром» [1, с. 69-70]. Революционная диктатура необходима для бунта, дабы закрепить его завоевания и нововведения, но в то же время она противоречит бунту, поскольку под лозунгом свободы ведет к деспотии [1, с. 267-274]. Британское общество во время Английской революции ознакомилось с данным политическим феноменом на примере пуританской диктатуры Оливера Кромвеля 1653-1658 гг. Диктатура денди имеет культурный, а не политический характер, но именно Кромвель для английской нации стал тем человеком, поправшим наследственные титулы, сделавшим самого себя выше знатных лордов и самого короля. Денди, когда попадает в высшее общество, особенно в контексте все еще костной социальной структуры первой половины XIX века, достигает высшей стадии своего бунтарства и, если сможет там удержаться, нередко провозглашает свою революционную диктатуру. Дизраэли о господстве денди в обществе рассуждает в книге – «Они царили среди всех, царили благодаря тому же принципу действий и влиянию тех же качеств, которые создают законодательницу мод в любой стране – благодаря смелости нарушать светские обычаи фальшивого класса, благодаря умелому высмеиванию всех тех, кто осмелился следовать их новаторскому примеру, они привлекают всеобщее внимание с помощью своей уникальности, и в то же время – зару чаются поддержкой тех, от кого решились отличаться, используя свое влияние для того, чтобы помешать другим нарушать их законы» [4, с. 225]. Попав в круг представителей высшего общества благодаря своему индивидуализму и оригинальности, но в большей степени лести, Вивиан Грей, не обладая знатным родом, чином или богатством, начинает управлять богатыми аристократами, ему более не достаточно признания того, что они равны, он желает теперь быть выше них. Дизраэли в романе очень емко сформулировал метод взаимодействия с социумом для денди – «Улыбка – другу, насмешка – миру: таков был способ управления миром, и таков был девиз Вивиана Грея» [4, с. 51].

Чувство абсурда, порождающее бунт, в некоторых случаях порождает ресентимент [1, с. 23-25]. Революционная диктатура нужна денди-тирану не только для утверждения своего взгляда на моду или на общественный порядок, но и для осязания себя самого в этом мире, собственной власти и значимости. Наилучшим примером служит сам основатель дендизма Браммел, человек без титула и капитала начинает издаваться, высмеивать и помыкать знатными лордами и богатыми банкирами. Иллюстрирует это ситуация, описанная его биографом и мореплавателем Уильямом Джесси в книге «Жизнь Джорджа Браммела» 1844 г.: герцог Бэдфордский спросил мнение Браммела о своем новом фраке, на что денди саркастично ответил – «Вы называете это фраком?» [6, с. 63]. Браммел, сын чиновника среднего звена, обладал абсолютной властью и исключительными полномочиями унизить сановного пэра, придворные аристократы трепетали перед решением этого всемогущего государя изысканности – вот он, новый революционный порядок. Через моду Браммел получил рычаг к общественному влиянию, но Грей и Дизраэли пошли дальше, желая получить официальную власть. Не зря д'Оревильи предположил, что частично расставание Браммела и принца Уэльского связано с тем, что один взгляд денди-тирана стал значить чуть ли не больше, чем королевский указ [8, с. 84-85]. Тот же ресентимент, но не только классово-сословный, а еще и национальный (Дизраэли имел еврейские корни), толкал Дизраэли на путь политической карьеры и сделал его одним из самых могущественных людей в Великобритании своего времени, тот же ресентимент возбуждал амбиции его литературного двойника Грея. Не зря Джесси, д'Оревильи, Дизраэли и Бульвер-Литтон,

описывая общественное влияние денди, употребляют политические термины: диктатура, тирания, деспотия, царствование и иные – денди, совершивший свою революцию, поверх браммеловского черного фрака надевает на себя цезарьскую пурпурную мантию.

Подводя итоги, следует сказать, что в романе Бенджамина Дизраэли «Вивиан Грей» мастерски прописаны каноны поведения денди и их взаимодействие с обществом. Эта работа во многом автобиографична, поскольку через образ Грея автор открывает свои мечты и размышления о политической власти. Анализируя роман, можно разрешить противоречие между консервативными взглядами главного героя и либеральной сущностью дендизма: сначала денди бросает вызов господству титулов и богатства, утверждая равенство всех людей (реализация либерального духа), а затем предлагает свою уникальную систему деления общества и стремится ее реализовать (начало консервативного духа). Чтобы утвердить свое превосходство, а также преимущество своего круга, денди соглашается с идеей равенства. Эпатаж денди, заключающийся в необычной одежде, поступках или высказываниях, по сути, нарушает общественный порядок, но при этом соблюдает его формы. Формальный консерватизм становится для денди необходимым инструментом для проникновения в высшие слои общества. Хотя дух консерватизма может подавить бунтарство денди, если чувство ресентимента слишком сильно, он одновременно укрепляет его, позволяя денди утвердиться в элите и навязывать обществу свои вкусы и мнения. Таким образом, дендизм проходит путь от индивидуалистического бунта к революционной диктатуре, преодолевая собственное социально-метафизическое противоречие. Сущность дендизма пронизана либеральным духом, который побуждает денди к бунту, эпатажу и свободомыслию. Однако дух консерватизма может овладеть его внешней стороной, когда стремление к владычеству начинает затмевать жажду свободы.

Библиография

1. Камю А. Бунтующий человек // Бунтующий человек / Миф о Сизифе. М.: АСТ, 2024. С. 5-333.
2. Сартр Ж. П. Бодлер. М.: УРСС, 2004. 184 с.
3. Шиффер Д. Философия дендизма. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2011. 296 с.
4. Disraeli B. Vivian Grey. Leipzig: Tauchnitz, 1859. 362 р.
5. Вайнштейн О. Б. Денди: мода, литература, стиль жизни. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 640 с. EDN: YSGYED
6. Jesse W. The life of George Brummell. London: Saunders & Otley, 1844. Vol. I. 394 р.
7. Трухановский В. Г. Бенджамин Дизраэли, или История одной невероятной карьеры. М.: Наука, 1993. 368 с.
8. д'Оревиль Б. Дендизм и Джордж Браммел. М.: Альциона, 1912. 146 с.
9. Нерсесянц В. С. Политические учения Древней Греции. М.: Наука, 1979. 264 с.
10. Disraeli B. Whigs and whiggism. New York: The Macmillan company, 1914. 478 р.
11. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного или гражданского // Гоббс Т. Сочинения в двух томах. М.: Мысль, 1991. Т. II. С. 3-545.
12. Мандевиль Б. Исследование о происхождении моральной добродетели // Мандевиль Б. Басня о пчелах, или Пороки частных лиц – блага для общества. М.: Наука, 2000. С. 23-31.
13. Morris M. The British monarchy and the French revolution. New Haven: Yale University Press, 1998. 225 р.
14. Языкова Е. А. Роберт Саути – защитник Церкви в Англии // Известия Саратовского университета. Саратов: Издательство СГУ, 2025. № 3. С. 329-336.
15. Disraeli B. Vindication of the English Constitution in a Letter to a Noble and Learned

- Lord. London: Saunders & Otley, 1835. 210 р.
16. Беляков Н.А., Куцева Е.А. Политическая основа дендизма в романе Эдварда Бульвера-Литтона «Пелэм, или приключения джентльмена» // Genesis: исторические исследования. 2024. № 11. С. 79-90. DOI: 10.25136/2409-868X.2024.11.71891 EDN: OXTKDY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71891
17. Бульвер-Литтон Э. Пелэм, или приключения джентльмена // Последние дни Помпей / Пелэм, или приключения джентльмена. М.: Правда, 1988. С. 279-737.
18. Манн О. Дендизм как консервативная форма жизни // Волшебная гора: философия, эзотеризм, культурология. М.: Пилигрим, 1998. Т. VII. С. 408-419.
19. Байрон Д. Песня для луддитов // Д. Байрон. Избранное. М.: Правда, 1982. С. 97.
20. Мур Т. Молчит просторный тронный зал // Мур Т. Избранное. М.: Радуга, 1986. С. 51.
21. Диккенс Ч. Островизмы // Ч. Диккенс. Собрание сочинений в тридцати томах. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1963. Т. XXVIII. С. 348-356.
22. Робин К. Реакционный дух. Консерватизм от Эдмунда Берка до Сары Пэйлин. М.: Издательство Института Гайдара, 2013. 312 с.
23. Спенсер Г. Личность и государство. Челябинск: Социум, 2006. 205 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензуемая статья посвящена комплексному анализу феномена дендизма в романе Бенджамина Дизраэли «Вивиан Грей» (1826 г.). Автор выходит за рамки традиционного рассмотрения дендизма как исключительно эстетико-поведенческого феномена, фокусируясь на его социально-политическом и идейном содержании. Ключевой предмет – исследование внутреннего противоречия дендизма, балансирующего между духом бунта (либерального по своей сути) и консервативной политической идеологией на примере главного героя и его автора. Анализируется, как дендистская модель поведения (эпатаж, индивидуализм, создание альтернативной элиты) взаимодействует с консервативными взглядами на государство, общественный порядок и иерархию, воплощенными в образе Вивиана Грея и биографии Дизраэли.

Автор успешно применяет историко-компаративный метод, что является сильной стороной работы и позволяет сопоставить образ Вивиана Грея с историческими фигурами денди (Браммел, Байрон, д'Орсе), сравнить дендизм Дизраэли/Грея с дендизмом Бульвера-Литтона/Пелэма, выявляя разные политические векторы (прежде всего, в дихотомии консерватизма и либерализма), проанализировать взгляды Грея в контексте политico-правовой мысли XVII-XIX вв.. Методология историко-культурного анализа позволяет проследить связь дендизма с социальными сдвигами (摧毀 старого порядка, становление буржуазного общества). В целом, методологический подход адекватен поставленным задачам и обеспечивает достаточную глубину анализа. Статья актуальна, потому что восполняет пробел в изучении дендизма не как чисто культурного, а как социально-политического феномена, отражающего кризис идентичности и поиск новых форм самореализации в переходную эпоху, углубляет понимание истоков и эволюции британского консерватизма XIX века, особенно социал-консервативного направления, через призму биографии и творчества ключевой фигуры – Дизраэли. Новизна статьи состоит в том, что автор предлагает новаторскую интерпретацию автобиографического романа Дизраэли как источника по политической мысли и саморефлексии дендизма, что безусловно соответствует современной тенденции к междисциплинарным исследованиям на стыке истории, культурологии, политологии и

литературоведения.

Автор убедительно доказывает, что дендизм, часто ассоциируемый с бунтом и индивидуализмом, может органично сочетаться с консервативной политической идеологией (иерархия, порядок, традиция), что показано на примере Вивиана Грея/Дизраэли. Это принципиально новый ракурс по сравнению с работами, связывающими дендизм преимущественно с либеральным духом (как у Бульвер-Литтона) или экзистенциальным протестом (Камю, Сартр). Предложена оригинальная модель понимания дендизма как движения от индивидуалистического бунта («Нет!» существующему порядку) через использование консервативных форм к утверждению собственной «революционной диктатуры» вкуса/влияния («Да!» новому порядку), где консервативные элементы становятся инструментом для реализации бунтарского начала. Глубоко раскрыта роль романа «Вивиан Грей» как автобиографического проекта, где Дизраэли через литературного двойника осмыслияет пути обретения политической власти, формулирует основы своего будущего социал-консерватизма и использует дендистскую стратегию для критики политического абсурда эпохи. Применение терминологии политического насилия (диктатура, тирания) к сфере культурного влияния денди (Браммел, Грей) для описания механизмов их власти и ресентимента является свежим и продуктивным подходом. Ясное противопоставление консервативного дендизма Грея/Дизраэли либеральному дендизму Пелэма/Бульвер-Литтона четко очерчивает политическую многогранность феномена.

Стиль статьи академический, автор демонстрирует хорошее владение терминологией истории и культурологии. Текст информационно насыщен. Структура статьи логична и следует заявленной цели. Библиография достаточная для раскрытия проблемы, широко представлены первоисточники, использованы фундаментальные исследования по дендизму (Вайнштейн, д'Оревильи, Манн, Шиффер), привлечены классические работы по политической философии и истории идей и специализированные исторические исследования по эпохе и персоналиям. Библиография демонстрирует глубокую проработку темы и владение материалом.

Автор успешно ведет диалог с существующими научными позициями: критикует ограниченность подходов, сводящих дендизм лишь к моде или экзистенциальному бунту, аргументируя необходимость социально-политического анализа; оспаривает (с оговорками) точку зрения Отто Манна о сугубо реакционном, аристократизирующем характере дендистского антибуржуазного протesta, приводя контраргументы (неаристократичность Браммела, критика знати Байроном, универсализм манер денди); уточняет и развивает идеи д'Оревильи о цивилизационных корнях дендизма и его связи с Английской революцией, применяя их к конкретному политическому контексту Дизраэли; противопоставляет свою интерпретацию консервативного дендизма Грея/Дизраэли либеральной модели Пелэма/Бульвер-Литтона, выявленной в других исследованиях.

К достоинствам статьи можно отнести убедительное раскрытие социально-политического измерения дендизма и его сложного, диалектического взаимодействия с консервативной идеологией на примере ключевого текста и фигуры. Статья заполняет существенную лакуну в исследованиях. В качестве замечания, можно обратить внимание на то, что хотя социально-политический контекст Англии 1820-30-х гг. присутствует, его можно было бы сделать более «живым» и конкретным, особенно при описании политической практики Дизраэли (например, выборы 1832 г.), чтобы ярче показать воплощение дендистских стратегий в реальности. Акцент смещен больше на идейную рефлексию в романе.

Ключевой вывод статьи о том, что дендизм у Дизраэли/Грея представляет собой

диалектическое единство либерального духа бунта (индивидуализм, эпатаж, отрицание несправедливых иерархий) и консервативной политической идеологии (стремление к порядку, иерархии, сильной власти, традиционным ценностям), причем консервативные формы используются как инструмент для реализации бунтарского импульса и утверждения новой элиты, является весьма сильным, оригинальным и убедительно доказанным. Вывод о пути дендизма от бунта к «революционной диктатуре» (культурной, а затем и политической у Грея/Дизраэли), преодолевающей собственное противоречие через овладение консервативными инструментами, также представляется глубоким и продуктивным. Этот вывод не только объясняет специфику «Вивиана Грея», но и вносит существенный вклад в общую теорию дендизма как социокультурного феномена.

Статья представляет значительный интерес для широкого круга специалистов. Несмотря на отмеченные незначительные недостатки, достоинства статьи (новаторство, глубина анализа, междисциплинарность, богатая источниковая база, убедительность выводов) несомненно преобладают. Рекомендую статью к публикации в журнале «Культура и искусство».